

Глава 1

*Сентябрь 1837 года
Мейфэр*

В возрасте двадцати восьми лет и трехсот шестидесяти четырех дней леди Генриетте Седли нравилось думать, что она набралась кое-какого опыта.

Она узнала, к примеру, что, если леди не может носить панталоны (печальная реальность для дочери графа, пусть даже начавшего жизнь без титула и состояния), тогда она должна быть абсолютно уверена, что в ее юбках есть карманы. Ведь женщина не может знать, когда ей понадобится кусок веревки или нож, чтобы ее отрезать.

Она также усвоила, что безопасно ускользнуть из своего дома в Мейфэре можно только под прикрытием темноты, с экипажем и союзником, который будет править лошадьми. Кучера много болтают и не умеют хранить секреты, к тому же они, как правило, преданы тем, кто платит им жалованье. Важное дополнение к этому уроку: наилучший из союзников — это лучший друг.

Но главное, она научилась вязать плоский морской узел. Причем она умела делать это очень давно — с тех пор, как себя помнила.

Имея столь не вполне обычный багаж знаний, леди Генриетта могла бы предположить, что не растеряется в случае обнаружения в своем экипаже мужчины, связанного и без чувств.

Однако такое предположение было бы ошибочным.

На самом деле, Генриетта Седли никогда не считала подобное развитие событий вероятным — ей это и в голову не приходило. Да, она чувствовала себя более комфортно в лондонских доках, чем в бальных залах, но в весьма впечатляющем жизненном опыте Хэтти до сих пор не было и следа криминального элемента.

И вот она стоит в темноте возле своего экипажа накануне двадцать девятого дня рождения. В карманах есть все необходимое. Лучшая подруга рядом. У девушек были далеко идущие планы на эту ночь. Но...

Леди Элеонора Мейдуэлл присвистнула — тихо и совершенно неженственно. Дочь ирландской актрисы, в которую так сильно влюбился герцог, что сделал ее своей герцогиней, Нора отличалась неблагоразумием, позволившим для обладателей высоких титулов и бездонных кошельков.

— Там какой-то паренек, Хэтти.

Леди Генриетту вовсе не покорило слово «паренек».

— Я вижу.

— Его там не было, когда мы оставили здесь экипаж.

— Ты права.

Леди оставили экипаж — определенно пустой — на темной аллее позади Седли-Хауса меньше часа назад. Теперь им предстояло пробраться в дом, чтобы сменить платья на другую одежду, более соответствующую их планам. В какой-то момент между сниманием корсетов и припудриванием носиков кто-то оставил дамам неожиданный и весьма неудобный подарок.

— Думаю, мы бы его заметили, если бы он там был, — задумчиво проговорила Нора.

— Мне тоже так кажется, — рассеянно отозвалась Хэтти. — Надо же, как не вовремя!

Нора недоуменно покосилась на подругу.

— То есть ты считаешь, что нахождение связанного мужчины в твоём экипаже может быть «вовремя»?

4

Мысленно Хэтти была согласна с Норой, но все же... все же...

— Он мог бы выбрать другой вечер. Ужасный подарок на день рождения. — Прищурившись, она всмотрелась в темную глубину экипажа. — Как ты думаешь, он мертв? «Только бы он был жив!»

После паузы Нора задумчиво ответила:

— Думаешь, кому-то надо грузить труп в экипаж? — Она потянулась вперед и осторожно тронула мужчину за плечо. Он не шевельнулся. — Он не двигается, — сообщила она и пожала плечами. — Может быть, мертв.

Хэтти вздохнула, сняла перчатку и, наклонившись, тронула шею мужчины.

— Я уверена, он жив.

— Что ты делаешь? — всполошилась Нора. — Если он не мертв, ты его разбудишь!

— Вот и хорошо! — заметила Хэтти. — Тогда мы вежливо попросим его освободить наш экипаж и займемся, наконец, своими делами.

— О да. Этот грубиян, разумеется, так и сделает. — Нора фыркнула. — Он снимет шляпу, пожелает нам хорошего вечера и удалится.

— У него нет шляпы, — заметила Хэтти, поскольку больше сказать ей было нечего.

Мужчина был очень большой. И даже в темноте она видела, что он не из тех, с кем можно закружиться в вальсе в бальном зале. Скорее, он из тех, кто грабит бальные залы.

— Что ты почувствовала, когда прикоснулась к его шее? — спросила Нора.

— Пульса я не нашла, но он...

«Теплый».

Мертвецы не бывают теплыми. А этот оказался очень теплый, даже горячий, как огонь зимой. Рядом с таким теплом невозможно замерзнуть.

Отбросив глупые мысли, Хэтти снова коснулась шеи мужчины и подвинула пальцы чуть ниже,

туда, где шея исчезала под воротником рубашки. Она провела кончиками пальцев по плечу, нащупала ключицу и ощутила странное волнение.

— Ну а теперь? — нетерпеливо спросила Нора.

— Тише! — Хэтти затаила дыхание. Ничего. Она молча покачала головой. — О боже! — И это была не молитва.

Хэтти тяжело вздохнула и уже была готова убрать руку, но тут...

«Вот оно!» Слабое трепетание. Она прижала пальцы сильнее и ощутила пульс — сильный, ровный.

— Я чувствую! — воскликнула она, правда, шепотом. — Он жив. — Она с облегчением улыбнулась. — Он не мертв.

— Прекрасно. Но это не меняет того прискорбного факта, что он без сознания в экипаже, в котором собирались ехать мы, — резонно заметила Нора. — Давай оставим его здесь и возьмем коляску.

Хэтти планировала эту поездку — причем именно этой ночью — целых три месяца. Этой ночью начнется двадцать девятый год ее жизни. Отныне ее жизнь будет принадлежать только ей. Она станет собой. Хэтти уже давно запланировала, в каком месте должна быть в конкретный час. Для этого она надела особую одежду. Но теперь, глядя на мужчину в экипаже, она поняла, что все это не так уж и важно. А что важно — так это увидеть его лицо.

Хэтти взяла фонарь, стоявший в правом переднем углу экипажа, и обернулась к Норе. Глаза той загорелись при взгляде на незажженный фонарь.

Она покачала головой.

— Хэтти, оставь его. Мы возьмем коляску.

— Я только взгляну.

— Если ты посмотришь на него, то пожалеешь, — выпалила Нора.

— Я должна посмотреть, — повторила Хэтти, пытаюсь отыскать разумную причину своей настойчивости и не находя ее. Однако в глубине души она пони-

мала, в чем дело, но подруге сказать об этом не могла. — Я должна его развязать.

— Совершенно необязательно! — воскликнула Нора. — Кто-то решил, что ему лучше оставаться связанным. Кто мы такие, чтобы не соглашаться? — Но Хэтти уже занялась поисками кремня. — Что ты собираешься делать?

Для претворения в жизнь ее планов еще оставалось достаточно времени.

— Я только посмотрю, — повторила она, когда фитиль в фонаре загорелся. Хэтти подняла фонарь повыше, осветив... — Вот это да!

Нора усмехнулась:

— Если разобраться, не такой уж плохой подарок на день рождения.

У мужчины в экипаже было удивительно красивое лицо. Потрясающе красивое. Хэтти никогда ничего подобного не видела. Да и вообще никто никогда не мог видеть ничего подобного. Она наклонилась ближе, пожирая глазами его теплую бронзовую кожу, высокие скулы, длинный прямой нос, темные брови, неправдоподобно длинные ресницы, напоминающие пушистые перья неведомой птицы.

— Что за мужчина... — Хэтти отвела глаза и тряхнула головой.

Что за мужчина может так выглядеть? И как он оказался в экипаже Хэтти Седли, женщины, не привыкшей находиться вблизи подобных мужчин?

— Ты ставишь себя в глупое положение! — предупредила Нора. — Ты глазеешь на него, разинув рот.

Хэтти закрыла рот, но глазеть не перестала.

— Хэтти, очнись! Нам пора. — Нора сделала паузу. — Если ты, конечно, не передумала.

Услышав этот простой вопрос, Хэтти, наконец, вернулась к реальности. К своим планам. Она покачала головой и опустила фонарь.

— Я не передумала.

Нора вздохнула, уперла руки в бока и заглянула мимо Хэтти внутрь экипажа.

— Тогда я беру его за руки, а ты за ноги, хорошо? — Она с опаской смотрела на мужчину. — Он может прийти в себя.

У Хэтти тревожно забилось сердце.

— Мы не можем оставить его здесь?

— Не можем?

— Нет.

Нора с интересом уставилась на подругу.

— Послушай, Хэтти, у нас нет возможности взять его с собой только потому, что он похож на статую римского божества.

Хэтти покраснела.

— Я не заметила.

— Зато лишилась дара речи.

Хэтти кашлянула.

— Мы не можем оставить его здесь, потому что в этот экипаж его запихнул Огги.

Губы Норы сжались.

— Ты этого не знаешь.

— Знаю, — уверенно заявила Хэтти и поднесла фонарь к связанным запястьям мужчины, а потом переместила его к связанным лодыжкам. — Я это точно знаю, потому что Огаст Седли не умеет вязать морские узлы. Если мы оставим мужчину здесь, он очень быстро освободится и пойдет искать моего никчемного брата.

Так-то оно так, но если они встретятся, еще неизвестно, что Огги с ним сделает. Ее братец упрям, вспыльчив и безрассуден — взрывоопасное сочетание, нередко требовавшее вмешательства Хэтти. Отчасти из-за этого Хэтти решила на двадцать девятом году жизни заявить о своей самостоятельности. Она так долго к этому готовилась, но и тут ее чертов братец умудрился испортить все.

8 Не зная, о чем думает Хэтти, Нора сказала:

— Даже в бессознательном состоянии этот мужчина не похож на человека, который привык терпеть поражение в драке.

В целом Хэтти была с ней согласна. Она повесила фонарь на крючок и окинула долгим взглядом мужчину.

Хэтти Седли уяснила еще кое-что, прожив на свете двадцать восемь лет и триста шестьдесят четыре дня. Если у женщины проблема, она должна решить ее сама.

Она влезла в экипаж, аккуратно переступив через лежащего на полу человека, и повернулась к Норе, смотревшей на нее круглыми глазами.

— Залезай. Мы высадим его по дороге.

Глава 2

Последним, что он запомнил, был удар по голове.

Он ожидал засады, поэтому и вел экипаж, нагруженный спиртными напитками, игральными картами и табаком (его везла шестерка великолепных сильных лошадей), внимательно глядя вперед и настороженно прислушиваясь к каждому звуку. Он как раз пересек Оксфорд-стрит, когда услышал ружейный выстрел и крик одного из сопровождающих экипаж верховых.

Он остановился, чтобы проверить своих людей. Чтобы защитить их и наказать тех, кто им угрожал.

На земле лежало тело. Под ним растекалась лужа крови. Он как раз отправил другого верхового на помощь, когда услышал быстрые шаги за спиной. Он обернулся, метнул нож — и услышал из темноты крик.

Потом удар по голове. И... больше ничего.

Только настойчивое похлопывание по щекам вернуло его в сознание. Его хлопали очень мягко, не причиняя боли, но все равно это раздражало.

Он не открыл глаза. Годы тренировок приучили его притворяться спящим, пока не станет ясно, где он находится. Его ноги были связаны. Руки тоже —

за спиной. Кроме того, веревки сдавливали грудь достаточно сильно, чтобы он почувствовал, чего не хватает — ножей. Восемь острых, как бритва, стальных лезвий с рукоятками из оникса. Они были украдены вместе с ремнем, которым он крепил их на груди. Он мысленно выругался, хотя больше всего ему хотелось бушевать. Только Сейвор Уиттингтон, известный на темных улицах Лондона под прозвищем Зверь, никогда не бушевал. Он мстил. Карал. Быстро, беспощадно и без эмоций.

А если они убили кого-то из его людей — из тех, кто был под его защитой, им больше никогда не знать мира.

Но прежде всего свобода.

Он лежал на полу движущегося экипажа. Вероятно, весьма дорогого экипажа, если судить по мягкому коврику на полу. И этот экипаж ехал по центральному улицам, поскольку не подпрыгивал на ухабах и рытвинах, а бодро катился по булыжной мостовой.

Он стал обдумывать следующее движение, планируя, как выведет из строя того, кто его похитил, несмотря на веревки. Он мог сломать обидчику нос, ударив его лбом — очень эффективное оружие, а потом сбить его ударом связанным ног.

Его снова похлопали по щеке. Потом раздался громкий шепот:

— Сэр, очнитесь!

И глаза Уита распахнулись.

Его взял в плен не мужчина? Нет, скорее всего, с ним сыграл злую шутку мягкий золотистый свет. Только он исходил, казалось, не от фонаря, висевшего в углу экипажа, а от женщины.

Она сидела на скамье над ним и была совершенно не похожа на врага, который мог нанести ему мощный удар по голове и потом связать. Напротив, она выглядела так, словно ехала на бал. Превосходно одетая, изысканно причесанная, украшенная драгоценностями, но в меру.

Ее кожа была гладкой, глаза и губы слегка подкрашены — мужчина не мог не обратить на них вни-

мания. Потом Уит взглянул повнимательнее на ее платье, голубое, словно летнее небо. Оно великолепно облегалo ее фигуру, округлую во всех нужных местах.

Неужели это она связала его? Тогда ему не следует обращать внимание на ее соблазнительные формы, совершенные и манящие. Он не должен смотреть на ее сияющую кожу, золотистую в свете фонаря. Ему надо игнорировать тонкие черты ее красивого лица, полные губы, чуть тронутые красной помадой.

В ней вообще не должно быть ничего положительного.

Он прищурился и посмотрел ей в глаза — неужели они фиалковые? Или это обман зрения? Разве у людей бывают фиалковые глаза? Да еще такие огромные!

— Знаете, если ваш взгляд является показателем вашего характера, неудивительно, что вы связаны. — Она наклонила голову. — Кто вас связал?

Уит промолчал. Ему не верилось, что она не знает ответа.

— Почему вы связаны?

И снова молчание. Она сжала губы и пробормотала себе под нос что-то вроде: «Бесполезно». Через несколько секунд она заговорила громче и тверже:

— Понимаете, ваше присутствие здесь совершенно некстати. Сегодня мне необходим этот экипаж для моих личных целей.

— Некстати? — Уит не намеревался говорить. Слово вырвалось само по себе и удивило даже его самого.

Женщина кивнула.

— Вы правильно поняли. Начинается год Хэтти.

— Год чего?

Она отмахнулась, словно считая вопрос несущественным. И не важно, что у Уита было на этот счет другое мнение. А женщина продолжила:

— Сегодня день моего рождения. И у меня были планы. Личные планы. В которые вы никак не вписываетесь... кем бы вы ни были. — Последовала пауза

за, которую нарушила Хэтти. — Приличный человек поздравил бы меня с днем рождения.

Уит не попался на крючок.

— А я вместо этого помогаю вам.

— Мне не нужна ваша помощь.

— Почему вы мне грубите?

Уит едва не разинул рот от изумления.

— Меня стукнули по голове, связали и засунули в какой-то экипаж. По-вашему, я должен радоваться?

— Да, но вы должны признать, что в компании нескучно, разве вы со мной не согласны? — Она улыбнулась. Очаровательные ямочки на ее щеках было невозможно не заметить.

Он не ответил, и женщина сказала:

— Ну ладно. Но вы, как мне кажется, попали в затруднительное положение. — Она выдержала паузу и добавила: — Вот видите, я пытаюсь вас развлечь. Вы же в ловушке?

Уит подергал веревки на запястьях. Тугие, но уже поддаются. Ничего непоправимого.

— Я вижу, что вы безрассудны.

— Некоторые находят меня очаровательной.

— Я вообще не считаю людей очаровательными, — ответил он, старательно работая руками, чтобы избавиться от веревок, стягивающих запястья. Одновременно он недоумевал, что заставляет его продолжать разговор с этой болтушкой.

— Жаль. — Судя по ее тону, она действительно испытывала сожаление, и это было странно. Но прежде чем Уит успел решить, что бы это значило, она добавила: — Не важно. Даже если вы не желаете этого признавать, вам нужна помощь, поскольку вы связаны, а я в данный момент ваша спутница. Значит, я за вас, некоторым образом, отвечаю. — Она присела на корточки, словно в этом не было ничего необычного, и принялась развязывать веревки. Ее прикосновения были мягкими и нежными. — Вам повезло, что я прекрасно обраща-

12   юсь с узлами.

Уит издал неопределенный, но явно одобрительный звук и с наслаждением вытянул ноги, которые затекли от долгого лежания в неудобной позе.

— А еще мне повезло, что у вас другие планы на ваш день рождения.

Щеки Хэтти порозовели.

— Да.

Уит сам не понял, почему задал ей следующий вопрос:

— Какие же у вас планы?

На него уставились удивительные глаза, слишком большие для такого маленького нежного личика, да еще и имеющие совершенно невероятный цвет.

— Мои планы на сегодня определенно не включают стирку, и мне бы не хотелось испачкаться. Ваша одежда не блещет чистотой.

— В следующий раз, когда я получу удар по голове и лишусь сознания, постараюсь не оказаться у вас на пути, миледи.

Его собеседница ухмыльнулась. На щеках снова появились ямочки.

— Уж постарайтесь. — И прежде, чем он успел что-то сказать, она добавила: — Впрочем, не думаю, что мы когда-нибудь еще встретимся. Мы вращаемся в разных кругах.

— Сегодня же мы встретились.

Ее ухмылка сменилась мечтательной улыбкой, и Уит поневоле засмотрелся. Экипаж замедлил ход. Женщина выглянула в окошко.

— Мы почти приехали, — тихо сообщила она. — Вам пора, сэр. Уверена, вы согласитесь, что никому из нас не надо, чтобы нас увидели вместе в экипаже.

— У меня руки тоже связаны, — напомнил он, чувствуя, что веревки постепенно слабеют.

Она покачала головой.

— Я не стану рисковать. Вы можете отомстить.

Их взгляды встретились.

— Моя месть — это не риск и не возможность.

Это реальность.

— Я в этом не сомневаюсь. Но я не могу позволить, чтобы вы мстили с моей помощью. Только не сегодня. — Она потянулась к ручке двери, продолжая говорить ему прямо в ухо, чтобы не перекрикивать уличный шум. — Как я уже говорила, у меня...

— У вас есть планы, — закончил фразу Уит, поворачиваясь к ней. От нее исходил потрясающий аромат. Словно миндальный торт. Сладкое искушение.

— Да.

— Скажите мне, о каких планах идет речь, и я вас отпущу.

Женщина снова улыбнулась.

— А вы дерзкий человек, сэр. Быть может, вам стоит вспомнить, что это я отпускаю вас?

— Скажите! — Его приказ прозвучал хрипло и резко.

Он сразу заметил в ней перемену. Колебание сменилось любопытством, потом смелостью. В конце концов, словно делая ему подарок, она прошептала:

— Может быть, я лучше покажу?

«О боже! Да!»

И Хэтти поцеловала его — прижалась губами к его губам. Ее губы были мягкими и нежными, абсолютно неопытными. Они искушали и манили в ад. Уит активнее заработал руками, пытаясь освободиться. Он должен был показать этой странной любопытной женщине, что он готов помочь ей воплотить в жизнь все ее планы.

Она освободила его. Уит почувствовал, как веревки на запястьях на мгновение натянулись и сразу ослабли. После этого она отстранилась. Уит открыл глаза и увидел блеск стали в ее руке. Маленький карманный нож. Она передумала и перерезала веревки.

Чтобы он мог ее обнять. Возобновить поцелуй.

Как леди и предупреждала, у нее были другие планы.

Прежде чем он успел прикоснуться к ней, экипаж поехал еще медленнее и свернул за угол. Женщина распахнула дверцу.

14 — Прощайте.

Инстинкт помог Уиту сгруппироваться и защитить лицо и голову, пока он катился по бульжной мостовой. Но думать он мог только об одном: «Она уезжает».

Он ударился о стену соседней таверны и, наконец, замер. Мужчины, столпившиеся у входа, расступились.

— Эй! — крикнул один из них и сделал шаг к нему. — Ты в порядке?

Уит вскочил на ноги, отряхнулся, покрутил головой, повел плечами и переступил с ноги на ногу, желая убедиться, что все кости и мышцы целы. После этого он достал из кармана двое часов и проверил время. Половина девятого.

— Эй, друг, я никогда не видел, чтобы человек приходил в себя так быстро после подобного кульбита. — Мужчина протянул руку, чтобы одобрительно похлопать Уита по плечу, но его рука повисла в воздухе. Его взгляд на мгновение остановился на лице Уита, и дружелюбие сменилось откровенным страхом. — Зверь!

Уит кивнул и, прищурившись, взглянул вслед удаляющемуся экипажу. Он направлялся к Ковент-Гарден. Зверь удовлетворенно улыбнулся.

«Никуда она не денется».

Глава 3

— Ты вытолкнула его на ходу? — удивленно спросила Нора, заглядывая внутрь экипажа, после того как из него вышла Хэтти. — Я думала, мы не хотим его смерти.

Хэтти расправила руками шелковую маску.

— Он и не погиб.

Она смотрела назад достаточно долго, чтобы убедиться: мужчина вполне жив и, как ей показалось, прекрасно себя чувствует. Более того, судя по тому, как он умело перекатился и сразу вскочил на ноги, ему не впервой выпадать из экипажа на ходу.

— Значит, он пришел в себя? — спросила Нора. **15**